491.7.
12/XI-27
108366

РУССКІЙ ГЛАГОЛЪ
сравнительно съ церковнославянскимъ.

Глагольныя формы въ современномъ русскомъ языкѣ не сразу получили ту систему спряженія, которую мы видимъ теперь; настоящему состоянію русскаго глагола предшествовалъ цѣлый рядъ измѣненій и утратъ, предшествовала цѣлая исторія. Если мы сравнимъ старославянскій глаголъ въ древнѣйшихъ памятникахъ старославянской письменности съ глаголомъ древне-русскаго языка, извѣстнаго намъ по письменнымъ памятникамъ, то увидимъ, что старославянскій глаголъ былъ нѣсколько богаче по количеству формъ, чѣмъ глаголъ древне-русскій, а послѣдній былъ значительно богаче своими формами, чѣмъ современный русскій глаголъ. Мы легко можемъ убѣдиться изъ данныхъ языка въ томъ, что русскій языкъ уже на памяти исторіи потерялъ нѣкоторыя изъ своихъ глагольныхъ формъ. Русскій языкъ уже въ древнѣйшихъ памятникахъ письменности представляетъ намъ слѣдующія формы своего глагола: формы настоящаго времени, преходящаго, или имперфекта, сложнаго, или сигматическаго аориста, повелительнаго наклоненія и формы, составившіяся изъ сложенія глагола *быть* или нѣкоторыхъ другихъ съ формами спрягаемаго глагола, т. е. сложныя формы будущаго времени, прошедшаго, давнопрошедшаго и сослагательнаго наклоненія.

Кромѣ этихъ формъ, русскому языку были извѣстны формы неопредѣленнаго наклоненія и причастій. Нѣкоторыя изъ этихъ формъ продолжали существовать въ русскомъ языкѣ довольно долго, какъ напр., сложныя формы

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛІОТЕКА
Общественныхъ Наукъ
Академіи Наукъ СССР
106

прошедшаго времени, а нѣкоторыя исчезли очень рано. Сперва мы разсмотримъ въ русскомъ глаголѣ тѣ формы, которыя теперь не существуютъ въ русскомъ языкѣ, но которыя были въ древне-русскомъ и старославянскомъ, а потомъ перейдемъ отъ этихъ утратъ глагольныхъ формъ къ формамъ сохранившимся и къ отдѣльнымъ измѣненіямъ глагольныхъ формъ и окончаній. Мы знаемъ, что въ старославянскомъ языкѣ была особая форма для имперфекта, которая представляетъ въ средѣ славянскихъ языковъ новообразованіе и имѣла въ старосл. языкѣ особыя окончанія: хъ, ше, ше; ховѣ, шета (ста), шете (сте); хомъ, шете (сте), хж. Эти окончанія служили для образованія полныхъ и стяженныхъ формъ имперфекта въ старославянскомъ языкѣ; какъ тѣ, такъ и другія формы, т. е. полныя: ѣахъ, аахъ, ѧахъ, и стяженныя: ѣхъ, ахъ, были извѣстны стрсл. языку, причемъ большинство памятниковъ стрсл. языка употребляетъ полныя формы. Русскій же языкъ въ древности, кажется, совсѣмъ не зналъ въ живомъ употребленіи полныхъ формъ, а пользовался только стяженными на яхъ и ахъ, т. к. формы *живяаше*, *сѣдяаше* или *бяаху*, встрѣчаемыя въ памятникахъ др. р. языка съ примѣсью церковно-славянскаго, не находятся въ памятникахъ чистаго русскаго языка и представляютъ собой образцы книжныхъ формъ, происшедшихъ изъ соединенія старославянскихъ формъ полнаго окончанія на ѣахъ съ русскими формами на яхъ. Впрочемъ, надо замѣтить, что памятники чисто-русскаго языка, т. е. тѣ памятники, которые по характеру своего содержанія должны были представлять живой русскій языкъ или подпасть наименьшему вліянію языка церковнаго, каковы, напр., грамоты, не заключаютъ въ себѣ никакихъ формъ имперфекта, а потому мы вправѣ сказать, что формы имперфекта или вовсе не были извѣстны живому русскому языку, по крайней мѣрѣ, на пространствѣ того времени, которое мы можемъ обнять въ своемъ изслѣдованіи письменныхъ памятниковъ русскаго языка, или были извѣстны въ очень рѣдкомъ употребленіи. Ранѣе XIII-го вѣка имперфектъ упо-

треблялся, но къ этому времени его формы вымерли, т. к. древнѣйшія русскія грамоты извѣстны намъ отъ XIII-го вѣка, если не считать двухъ грамотъ XII-го вѣка, и ни одна не содержитъ таковыхъ формъ. Хотя возможно, конечно, что въ живомъ русскомъ языкѣ и употреблялись нѣкоторыя формы имперфекта, но не попали въ языкъ грамотъ, какъ языкъ всетаки оффиціальный. Въ настоящее время, какъ извѣстно, ни литературный, ни народный русскій языкъ не сохранилъ формъ имперфекта, и мы не можемъ указать даже достовѣрныхъ слѣдовъ или остатковъ этой формы въ современномъ русскомъ языкѣ. Что же касается памятниковъ др. р. языка, представляющихъ списки съ церковно-славянскихъ оригиналовъ или находившихся подъ большимъ или меньшимъ вліяніемъ ц.-слав. языка, то въ нихъ мы встрѣчаемъ постоянно вышеуказанныя стяженныя формы преходящаго времени, или имперфекта. Напр., въ Архангельскомъ Евангеліи 1092-го года читаемъ: „межю же сими *молѧхоути* и оученици“, между тѣмъ какъ въ Остр. Ев. этому мѣсту соотвѣтствуетъ слѣдующее: „междѫ же симь. *молѩахѫ* и оученици ѥго“. (Арх. Ев. л. 2 об. Остр. Ев. л. 31 об.). Далѣе, на л. 4 об. въ Арх. Ев.: „идѧше и хожѧше тако“, въ Остр. Ев. опять: „идѧаше и хождаше“ л. 34. На л. 9. въ Арх. Ев. читаемъ: въпрашахоу ѳарисѣи“, въ Остр. Ев. л. 39— въпрашаахѫ и фарисеи. Въ Арх. Ев. на л. 11—находимъ: „ꙗко хотѧше їсъ оумрети“, въ Остр. Ев. на л. 41—„ꙗко хотѣаше їисъ оумрѣти“. Въ Арх. Ев. ibid. „и тоу живѧше“, въ Остр. Ев. на л. 41 об. „и тѫ живѣаше“. Въ Арх. Ев. на л. 23 — „хотѧхоути и ꙗти“, въ Остр. Ев. на л. 54 об. „хотѣахѫ ꙗти и“. Въ Арх. Ев. на л. 29 об.—слоужѧше, въ Остр. Ев. въ соотвѣтственномъ мѣстѣ, на л. 63—слоужааше. Далѣе, въ Арх. Ев. на л. 31 встрѣчаемъ: можѧше, на л. 32 — идѧше (Остр. Ев. л. 66 идѣаше), на л. 56 — и вазахоути и оужи желѣзны и поуты (въ Остр. Ев. л. 98 об. — и вазаахѫ и жжи желѣзны и пѫты); на л. 66 об.—„подражахоути и“ (въ Остр. Ев. л. 112—„подражаахѫ и“). На л. 72—„никто же не дадѧше“,

въ Остр. Ев. л. 118 — „никъто же не дѧшаше“. Кромѣ того, въ Арх. Евангеліи нерѣдки такія формы имперфекта, какъ: „въпрашашети и“—л. 73, чему соотвѣтствуетъ въ Остр. Ев. на л. 119 — форма: въпрашааше. На л. 9 об. въ Арх. Ев. „ꙗко боѧшетасѧ июдѣи“, чему въ Остр. Ев. на л. 39 об. соотвѣтствуетъ: „ꙗко боꙗстасѧ иоудеи“. Въ Арх. Евангеліи есть, конечно, и много формъ старославянскаго имперфекта, но въ общей сложности ихъ все-таки меньше, чѣмъ въ Остр. Евангеліи, какъ показываютъ и приведенныя сопоставленія. Формы имперфекта на шете, шета, т. е. съ суффиксомъ основы передъ личными окончаніями, извѣстны и изъ старославянскихъ памятниковъ, какъ указано было выше, но прибавленіе еще личнаго окончанія *тъ* къ формѣ 3-го л. ед. или множ. числа есть уже особенность русскаго языка въ памятникахъ письменности. Въ Лавр. спискѣ лѣтописи находимъ формы: даху л. 16 стрѣлѧху, съвѧзывахуть, въбивахуть—л. 19 хотѧше быти—л. 52 оубивашета, ѿимашета — л. 117. 2 и друг. Въ Ипатскомъ спискѣ лѣтописи находимъ: жрѧхуть—л. 60. 1. насилѧхуть — л. 70. 2, помиловашеть — л. 73. 1, дадѧхуть—л. 92. 2, идѧхуть—131. 2, положаху—141. 1, трудѧшетьсѧ — 139. 1. молѧшеть, — творѧшеть — 140. 2. и мн. др.

Точно такъ-же, какъ формы имперфекта, исчезли изъ русскаго языка и формы аориста, которыя однако были хорошо извѣстны др. русскому языку и употребительны въ памятникахъ духовнаго содержанія и лѣтописяхъ, но въ грамотахъ эти формы чрезвычайно рѣдки, и, чѣмъ грамота новѣе, тѣмъ рѣже встрѣчается аористъ, который въ грамотахъ, т. е. въ живомъ русскомъ языкѣ, замѣнялся почти всегда формами сложнаго прошедшаго времени. Намъ придется еще вернуться къ аористу при обзорѣ глагольныхъ формъ, сохранившихся отъ старины и до нашего времени съ нѣкоторыми измѣненіями въ языкѣ литературномъ и народномъ, а теперь будемъ продолжать обзоръ исчезнувшихъ въ русскомъ языкѣ глагольныхъ формъ. Къ числу такихъ формъ принадлежатъ и сложныя време-

на, бывшія въ большомъ употребленіи въ др. русскомъ языкѣ и замѣнявшія собой рѣдкія формы имперфекта и аориста. Такъ, въ лѣтописяхъ мы постоянно встрѣчаемъ: былъ есть—Лавр. 7. покрыли суть — ib. 20. взялъ, принеслъ будеть—ib. 24. купилъ *буде*—ib. 25. быхомъ или—ib. 32 погибли бѣша—ib. 43. повелѣлъ бы — ib. 59. бѣ създалъ—ib. 89. 1. были быхомъ, быхомъ имѣли—ib. 89. 1. 2. створили есмы—ib. 116. 1. пришла ѥста—ib. 117. 2. быста вѣдала—ib. 119. 2. буду оугодилъ—ib. 125. 2. пришлъ будеть—ib. 125. 2. бѣсте побѣдили —ib. 132. 1. есмъ переѣздилъ—164. 1. пустилъ есмъ—164. 2. ловилъ ѥсмъ—164. 2, связалъ ѥсмь—164. 2. и мн. др. Изъ приведенныхъ примѣровъ ясно образованіе этихъ формъ, съ одной стороны, и отношеніе ихъ къ нынѣшнимъ русскимъ, съ другой.

Замѣтимъ, что на ряду съ приведенными формами мы читаемъ въ томъ-же Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи и формы просто причастія на — *лъ* съ опущеніемъ глагола *быти:* наказалъ—л. 18. створилъ —л. 89. столб. 1 и 179. 1. приносили—89. 2. шелъ—130. 1. преставилсѧ —131. 1. скочилъ—165. 1. творилъ—165. 1. пришелъ—166. 1. убилъ, вспѧтилсѧ—171. 1. ср. 174. 2. зблюли — 177. 1. молвилъ—177. 2. реклъ —177. 2. „и сѧ самъ боилъ“—179. 1. и нѣкр. др. Очевидно, что постепенная утрата вспомогательнаго глагола была причиной того, что причастіе на—*лъ* стало употребляться въ смыслѣ изъявительнаго наклоненія. При нѣкоторыхъ причастіяхъ вспомогательный глаголъ не совсѣмъ утратился, а только застылъ въ извѣстныхъ формахъ, обратившись въ частицу; напр. — *бы* — форма 2-го и 3-го лица аориста ед. числа — стала присоединяться къ формамъ причастія для всѣхъ лицъ и чиселъ въ случаѣ надобности выразить условное наклоненіе. Это явленіе мы замѣчаемъ уже въ памятникахъ XIII — XIV вѣка, а будущее условное, т е. причастіе съ будущимъ временемъ глагола *быти*, обратилось въ форму въ родѣ вышеприведенной изъ лѣтописи — купилъ буде— Лавр. сп. л. 25, гдѣ форма *будетъ* по отпаденіи личнаго

суффикса *тъ* обратилась въ *буде*, ставшее частицей, игравшей роль условнаго союза *если*. Эта форма также стала приставляться ко всѣмъ лицамъ и числамъ спрягаемаго глагола сперва при прошедшемъ причастіи на — *лъ* и сохранилась до нашего времени въ канцелярскомъ языкѣ и въ оффиціальныхъ бумагахъ. Указанныя формы давнопрошедшаго времени (plusquamperfectum) изъ лѣтописи, составленныя изъ причастія на—*лъ* съ формой имперфекта *бѣахъ* или *бѣхъ*, исчезли въ русскомъ языкѣ вмѣстѣ съ исчезновеніемъ самой формы имперфекта. Въ настоящее время мы употребляемъ одно причастіе на— *лъ* для означенія разныхъ оттѣнковъ прошедшаго дѣйствія, не прибѣгая къ вспомогательному глаголу, кромѣ указанныхъ случаевъ условнаго наклоненія, но въ древнемъ русскомъ языкѣ, даже въ старославянскомъ уже при правильномъ употребленіи формъ вспомогательнаго глагола съ особыми окончаніями для 1-го, 2-го и 3-го лица обоихъ чиселъ, извѣстны лишь формы 3-го лица ед. и множ. числа безъ вспомогательнаго глагола въ самое древнее время, и съ этого процесса собственно и началась утрата сложныхъ формъ, какъ можно догадываться по употребленію формы 3-го лица ед. и множ. числа въ письменныхъ памятникахъ. Дѣло въ томъ, что опущеніе вспомогательнаго глагола въ 3-мъ лицѣ являлось вполнѣ естественнымъ, т. к. въ этомъ глаголѣ не чувствовалось особой надобности, и такимъ образомъ при формахъ взялъ есмь, взялъ еси для 3-го лица рядомъ существовала уже очень рано форма *взялъ*, которая съ теченіемъ времени оказала вліяніе на формы 1-го и 2-го лица, которыя стали по аналогіи употребляться также безъ вспомогательнаго глагола. Зато утраченныя формы глагола *быти* стали восполняться личными мѣстоименіями при причастіи на—*лъ*, какъ мы видѣли на приведенномъ изъ лѣтописи примѣрѣ — „и са самъ *боилъ*“ — Лавр. сп. л. 179, столб. 1. Къ числу утратъ, понесенныхъ современнымъ русскимъ глаголомъ сравнительно съ церковно-славянскимъ и древнерусскимъ, надо отнести и формы двойственнаго числа, которыя те-

перь вовсе неизвѣстны, и которыя мы видѣли выше въ томъ-же спискѣ лѣтописи XIV вѣка: пришла ѥста—Лавр. сп. л. 117. 2, быста вѣдала—ib. 119. 2 и прочія.

Теперь переходимъ къ повелительному наклоненію. Старославянскій языкъ, какъ извѣстно, располагалъ слѣдующими суффиксами для повелительнаго наклоненія: или при 2-мъ лицѣ ед. числа на *и* формы множеств. числа въ 1-мъ и во 2-мъ лицахъ имѣли окончанія *ѣмъ*, *ѣте*, или при 2-мъ лицѣ ед. числа на *и* множ. число пользовалось окончаніями *имъ*, *ите*, а въ случаѣ, если глагольная основа оканчивалась на согласный звукъ, то единств. число повелит. наклоненія имѣло окончаніе *ъ* при множественномъ на *имъ*, *ите*. Сравнительная фонетика объяснила намъ происхожденіе славянскаго повелительнаго наклоненія изъ индоевропейскаго желательнаго, и мы можемъ до сихъ поръ въ нашемъ повелительномъ наклоненіи указывать примѣры употребленія его въ смыслѣ желательнаго; но личные суффиксы его вмѣстѣ съ конечнымъ гласнымъ основы еще въ древности, въ самомъ старославянскомъ языкѣ, представляли различные случаи отклоненія отъ фонетически правильнаго образованія, и въ этихъ случаяхъ мы усматриваемъ образованія по аналогіи. Къ такимъ формамъ повелительнаго наклоненія, образованнымъ по аналогіи съ формами: везѣмъ, берѣмъ, двигнѣмъ, гдѣ *ѣ* произошло прямо изъ индоевропейскаго дифтонга *ăi* съ *ă*, не склонявшимся къ *e*, относятся формы старославянскаго языка бимъ, глаголимъ, съважате, покажѣте, бите и мн. др., въ которыхъ вмѣсто *ѣ* послѣ j или мягкаго согласнаго стоитъ *а* или глаголическое ⍋. Дѣйствіе аналогіи распространилось гораздо шире въ русскомъ языкѣ, и теперь мы видимъ въ образованіи формъ повелительнаго наклоненія отъ современнаго русскаго глагола такое сильное вліяніе однѣхъ формъ на другія, что безъ посредства старославянскаго языка и его фонетики трудно бываетъ объяснить существующую форму и возстановить утратившуюся или фонетически правильную. Подобное дѣйствіе аналогіи мы увидимъ и ниже, при обзорѣ формъ настоящаго

времени въ старославянскомъ, древне-русскомъ и современномъ народномъ языкѣ. Напр., русское *ѣшь* при сравненіи съ старосл. ѩждь оказывается вовсе не похожимъ на повелительное наклоненіе и лишь употребляемымъ только въ значеніи повелительнаго наклоненія, хотя, конечно, слѣдуетъ усматривать въ этой формѣ фонетически образовавшуюся на русской почвѣ изъ ѣждь, гдѣ конечное *ж* перешло въ *ш*, и такимъ образомъ произошло совпаденіе съ формой 2-го лица ед. числа наст. времени—*ѣшь*. Тоже можно сказать о русской формѣ *вишь* при старосл. *виждь*. Форма ѣшь въ свою очередь повліяла на форму множественнаго числа *ѣшьте* вм. ѣжьте, какъ слѣдовало бы писать, придерживаясь этимологической транскрипціи, а не по слуху. Таковы же наши повелительныя формы будьте, встаньте, сядьте, уважьте, рѣжьте и проч., въ которыхъ окончаніе *ьте* образовано по аналогіи съ формами, гдѣ окончаніе *ь* во 2-мъ и 3-мъ лицахъ ед. числа было этимологическимъ. Такимъ образомъ, формы такія, какъ старосл. *даждь* повліяли на образованіе множ. числа съ суффиксами *ьте*, а эти послѣднія повліяли на всѣ формы повелительнаго наклоненія, гдѣ только въ русскомъ языкѣ окончаніе пов. наклоненія приставлялось къ согласной основѣ. Но рядомъ съ этими новообразованіями въ русскомъ языкѣ сохранились и формы съ суф. *и*, *ите*, гдѣ только удареніе стояло на этомъ гласномъ суффиксѣ, какъ *несѝ*, *несѝте*, *везѝ*, *везѝте* и пр., между тѣмъ какъ справка со старославянскимъ глаголомъ обнаруживаетъ въ данныхъ формахъ опять не этимологическое *и*, а взятое изъ формъ съ основой настоящаго времени на *и*, какъ *любѝ*, *любѝте*, *терпи*, *терпите*, *хвали*, *хвалите*, гдѣ *и* было и въ старославянскомъ и сохранилось въ русскомъ до нашего времени и должно быть признано старымъ, а потому и формы—старыя; формы же *несѝ*, *несѝте* и друг. обязаны своимъ происхожденіемъ вліянію формъ въ родѣ *хвали*, *хвалите*. Общимъ связующимъ звеномъ въ этихъ формахъ была форма 2-го и 3-го лица ед. числа *неси* и *хвали*. Очень естественно, что и во

множественномъ числѣ произошло сближеніе формъ *несите, хвалите* вмѣсто *несьте*, съ одной стороны, и *хвалите*, — съ другой. Въ русскомъ языкѣ важнымъ факторомъ въ этомъ процессѣ вліянія разбираемыхъ формъ другъ на друга явилось, конечно, удареніе, которое и стояло въ большинствѣ глаголовъ съ основой наст. времени на *и* на этомъ конечномъ звукѣ основы, какъ показываютъ вышеприведенныя формы: люби́, хвали́, терпи́, вели́, кричи́ и проч. Быть можетъ, это удареніе также содѣйствовало тому обстоятельству, что вмѣсто несёмъ, везёмъ, ведёмъ или несёте, везёте, ведёте, берёте и проч. образовались формы неси́те, вези́те, веди́те, бери́те и проч. Вліяніе ударенія въ этомъ процессѣ аналогіи мы можемъ усматривать потому, что въ русскомъ языкѣ извѣстны формы на *ите* (ед. ч.—*и*) при основахъ наст. времени на *и* и въ томъ случаѣ, если удареніе не стоитъ на этомъ тематическомъ *и*, напр., ко́рчи, ко́рчите, кля́нчи, кля́нчите, ко́нчи, ко́нчите и т. под., гдѣ сохранилось *и* только потому, что иначе при окончаніи *ъте* явилось бы неудобство въ произношеніи отъ стеченія нѣсколькихъ согласныхъ звуковъ; но не будь этого стеченія согласныхъ, мы бы непремѣнно ожидали суф. *ъ*, *ъте*.

Это вліяніе однѣхъ формъ повелительнаго наклоненія на другія началось очень давно въ русскомъ языкѣ, и случаи только что разобранныхъ формъ завѣщаны намъ самимъ Остромировымъ спискомъ, гдѣ, напр., находимъ форму *приведите* — л. 73. Съ теченіемъ времени въ русскомъ языкѣ случаи эти повторяются все чаще и чаще. На повелительное наклоненіе вліяли и формы настоящаго времени: такимъ вліяніемъ слѣдуетъ объяснять русскія формы въ родѣ *пеки, теки, моги, зажги* и проч. вм. старославянскихъ и др. русскихъ пьци, тьци, мози, жьзи и пр. Но это вліяніе настоящаго времени подробнѣе мы разсмотримъ при обзорѣ формъ настоящаго времени въ современномъ русскомъ языкѣ.

Съ этимъ звукомъ *и*, являющимся въ русскомъ повелительномъ наклоненіи подъ ударéніемъ, можно сравнить

то *и*, которое мы теперь видимъ въ нашемъ неопредѣленномъ наклоненіи, т. к. оно тоже удержалось отъ старины благодаря ударенію; напр., мы имѣемъ нести́, вези́, вести́, брести́, мести́ и т. п. съ окончаніемъ *ти* потому, что на немъ ударе́ніе. Впрочемъ, надо замѣтить, что русскій народный языкъ и въ этомъ случаѣ употребляетъ сокращенныя окончанія *ть*: привесть, подместь, отнесть и проч. и обнаруживаетъ свою склонность къ сокращенію формъ. Но въ древности русскому языку извѣстны были и окончанія *ти* или *чи*, и чѣмъ древнѣе эпоха, тѣмъ рѣже употреблялись сокращенныя окончанія. Наконецъ, къ числу утратъ и почти безслѣдныхъ надо отнести формы супина, или достигательнаго наклоненія, и формы др. русскаго причастія на *а* вм. старославянскаго *ы*. Формы съ старославянскимъ окончаніемъ *ы*, вѣроятно, были извѣстны только книжному языку, но не народному, т. к. въ грамотахъ встрѣчаются только причастія на *а*, а не на *ы*; но формы на *а* проникали и въ литературный языкъ съ примѣсью слав. элемента: ихъ мы встрѣчаемъ на каждомъ шагу въ Лаврентьевской лѣтописи. Напр., рька — л. 16. сверга — л. 38. возма — л. 121. 1. сѣка — л. 181. 2. Въ Ипатскомъ спискѣ также: река—л. 116. 1, л. 174. 1. и др. Въ Синодальномъ сп. Новгородской лѣтописи также нерѣдко читаемъ—река—напр. на л. 209.

Теперь переходимъ къ обзору формъ настоящаго времени въ русскомъ языкѣ. Личными окончаніями настоящаго времени въ старосл. языкѣ, какъ извѣстно, были слѣдующія: мь или ѫ, си или ши, тъ; вѣ; та; те; мъ, те, ѫтъ или атъ. Въ древне-русскомъ были: у или мь, шь, ть; вѣ, та, та; мъ, мы, мо, ме, те, уть или ать. Въ современномъ же русскомъ языкѣ надо различать литературныя формы, формы образованнаго класса и формы языка простонароднаго и областного. Просторѣчіе во многихъ мѣстностяхъ Россіи сохраняетъ свою близость къ формамъ древне-русскаго языка, давно уже утраченнымъ въ письменномъ и образованномъ языкѣ. Спряженіе глагола въ настоящемъ времени настолько упростилось въ литератур-

номъ русскомъ языкѣ, что личными окончаніями настоящаго времени являются только слѣдующія: у (ю), шь, тъ, мъ, те, утъ, ютъ, атъ, ятъ; окончаніе *мъ*, образовавшееся изъ древняго *мъ*, мы видимъ теперь только въ двухъ глаголахъ: *дамъ* и *ѣмъ*, причемъ *есмъ* уже совершенно неупотребительно и представляетъ изъ себя книжную форму, и то какъ остатокъ старины. Слѣдовательно, утратилось то разнообразіе личныхъ формъ настоящаго времени, которое было издавна и наблюдается нами въ старославянскомъ языкѣ и древне-русскомъ. Окончаніе 2-го лица ед. числа *си*, которое было хорошо извѣстно старославянскому языку, въ древне-русскомъ встрѣчалось довольно рѣдко, (см. Соболевскаго. Изслѣдов. въ обл. р. грам. В. 1881. Стр. 85 — 86), а въ современномъ русскомъ языкѣ на громадномъ пространствѣ оно совершенно утратилось, и его знаютъ въ нѣкоторыхъ формахъ лишь малорусскій да бѣлорусскій языки, употребляя обыкновенно это окончаніе въ тѣхъ глаголахъ, первое лицо которыхъ оканчивается на *мъ*. Въ млр. языкѣ употребительны формы: вісѝ, дасѝ, јісѝ и есѝ, но уже и въ млр. языкѣ рядомъ съ этими формами употребительны общерусскія: віш, даш, јіш и остатокъ старины *есь*, не перешедшее въ ешь. Недешевъ въ своемъ „Обзорѣ особенностей бѣлорусскихъ говоровъ“ (В. 1884, стр. 52) указываетъ только на двѣ употребительныя формы, представляющіяся архаическими: *дасѝ* и *ясѝ*. Мы видимъ, что современному русскому языку во всѣхъ его частяхъ формы на *си* извѣстны въ очень небольшомъ количествѣ; въ др. русскомъ языкѣ ихъ было нѣсколько больше, т. к. подъ вліяніемъ аналогіи окончаніе *си* иногда присоединялось и къ глагольнымъ основамъ на гласную, напр., *желаеси* въ Златоструѣ XII в. и нѣкотор. др. Окончаніе *сь* совсѣмъ почти неизвѣстно, какъ мы видѣли, но его коррелятивъ *шь* является издавна, приблизительно съ XIII-го вѣка, какъ самое распространенное, а впослѣдствіи и единственное окончаніе для 2-го лица ед. числа въ русскомъ языкѣ. Формы на *ши* совсѣмъ неизвѣстны современному русскому языку даже въ такихъ не-

значительныхъ остаткахъ и книжныхъ словахъ, какъ *еси;* но и древне-русскій языкъ употреблялъ окончаніе *ши* для 2-го лица только въ памятникахъ, находившихся подъ большимъ или меньшимъ вліяніемъ старослав. или церковно-слав. языка. Изъ этого можно заключать, что окончаніе *ши* не принадлежало никогда русскому языку и представляетъ образованіе изъ *си* подъ вліяніемъ формъ на *шь*. Великорусскій современный языкъ совсѣмъ не знаетъ окончанія *си* для 2-го лица ед. числа, если не считать книжнаго *еси*, неизвѣстнаго совсѣмъ народу, т. к. пѣсенное „ужъ ты гой еси“ едвали употреблялось сознательно въ смыслѣ глагольной формы, какъ указалъ и проф. Р. О. Брандтъ въ своихъ лекціяхъ.

Мы можемъ прибавить отъ себя, что еслибы это *еси* употреблялось народомъ въ пѣсняхъ сознательно, то невозможнымъ бы было выраженіе: „Гой *еси вы*, дружина хоробрая“, какъ читаемъ въ Сборникѣ былинъ Кирши Данилова, въ былинѣ о Волхѣ Всеславьевичѣ. Кромѣ того, изъ сопоставленія различныхъ формъ пѣсеннаго восклицанія мы можемъ придти къ тому-же заключенію о забвеніи народомъ глагольнаго значенія формы *еси*, о безсознательномъ употребленіи этой формы; вмѣсто нея мы часто, даже гораздо чаще, чѣмъ *еси*, видимъ выраженія: „ахъ, ты ей“, напр., „*Ахъ, ты ей*, Добрынюшка Никитичъ“ (Рыбниковъ, I, 124) или: „*Гой ты, гой*, добрый молодецъ, Дюкъ Степановичъ“ (Рыбн. ib. 313), или во множ. числѣ: „*Ай вы ей*, палачи немилостивы“ (Рыбн ib. 384) и т. п. Здѣсь мы видимъ, что *еси* не было необходимой принадлежностью обращенія ко 2-му лицу ед. числа, а равно и не служило исключительной формой восклицанія, а обратилось, какъ кажется, просто въ междометіе, равное другимъ: *гой, ей* и т. п. Не смотря на свою рѣдкость, форма на *си* встрѣтилась намъ однажды въ пѣсенномъ языкѣ отъ глагола *дать:*

Въ былинѣ о Дюкѣ читаемъ:

„Да *дасѝ* мать прощеньё—поѣду я,

И не *дасѝ* мать прощенія—поѣду я".
Говоритъ Дюкъ своей матери.
(Гильфердингъ. Столб. 1070).

Если 2-ое лицо такъ называемаго архаическаго спряженія съ окончаніемъ *си* утратилось почти совершенно въ русскомъ языкѣ, т. к. нельзя даже малорусскому языку приписать постояннаго употребленія такой формы отъ 2 - 3 глаголовъ, п. ч. и въ малорусскомъ языкѣ эти формы подпали вліянію формъ на *шь*, то форма 1-го лица съ архаическимъ окончаніемъ *мъ* не только извѣстна всему русскому языку, хотя бы и въ двухъ глаголахъ — *дамъ* и *ѣмъ*, но даже и повліяла на глаголъ *создамъ*, который получилъ эту форму подъ вліяніемъ глагола *дамъ*, т. к. забылась этимологія слова *создать*, и послѣднее по своему окончанію примкнуло къ глаголу *дать*. Вліяніе глагола *дамъ* нужно усматривать и въ такихъ формахъ, которыя указаны переводчикомъ „Сравнительной морфологіи" Миклошича, г. Шляковымъ, который говоритъ, что въ Угличѣ употребительны формы: здѣ́ламъ, вы́хлёбамъ, ска́зывамъ, дѣ́ламъ. (Сравнит. Морф. Миклошича. Русскій языкъ. Вып. III. 453, прим. 3). Даль такихъ формъ не слышалъ въ Угличѣ, и вообще такія формы для 1-го лица ед. числа должны признаваться рѣдкими. Такія формы указаны Далемъ, какъ принадлежащія городу Владимиру, именно, *дѣламъ*, и въ такомъ случаѣ для 2-го и 3-го лица тоже стяженныя формы; *дѣлашъ*, *дѣлатъ*. (Даль. О нарѣчіяхъ р. яз. LIV).

Кромѣ Владимира, такія формы мы слышимъ въ Вологодской губерніи, по указанію Бѣлоруссова (Объ особенностяхъ въ языкѣ жителей Вологодской губерніи. В. 1887. Стр. 25), который для 1-го лица ед. ч. указываетъ формы: *знамъ*, *дѣламъ*, и въ нарѣчіи сибирскомъ, гдѣ встрѣчаемъ для 1-го лица множ. числа *мы гулямъ* (Даль. ib. LIX), да въ Нижегородской губерніи, напр., *слы́хамъ* = мы слушаемъ. (Даль. ib. LVII). Изъ этого мы заключаемъ, что такія стяженныя формы на *мъ* для 1-го л. ед. числа вообще рѣдки; гораздо чаще онѣ встрѣчаются во

2-мъ и 3-мъ лицахъ ед. числа, какъ можно видѣть изъ тѣхъ-же сочиненій. Напр., формы: *дѣлашъ*, *дѣлатъ* указаны Далемъ во Владимирѣ (ib. LIV), *онъ ломáтся*, *хватáтъ*—въ Костромской губерніи (ib. LVI), *кидатъ*, *мѣшáтъ*—въ Казанской губ. (ib. LVII), *онъ не знатъ*, *ты потѣшь* (=потѣешь)—въ сибирскомъ нарѣчіи, (ib. LIX), а Бѣлоруссовъ совершенно точно опредѣляетъ въ указанномъ выше сочиненіи, что „стяженіе гласныхъ звуковъ въ наст. вр. глаголовъ съ основой на *а* встрѣчается въ Вологод. губ. во 2 и 3 л. ед. числа“, и приводитъ примѣры говора изъ Вельскаго уѣзда: дѣлашъ, думашъ, послýшашъ, симáтъ, называтъ, потерятъ, встáтъ (=встастъ) стр. 24 — 25. Почти такъ-же говоритъ другой изслѣдователь—Тихвинскій — о говорѣ Ярославской губерніи, Ярославскаго уѣзда. Здѣсь (Р. Ф. В. 1890. N 3, стр. 58 — 59) мы читаемъ: „гласная *а* основы и *е* окончанія обыкновенно стягиваются въ одно долгое ā: *думашъ*, *дѣлатъ* и др.“. Въ виду такихъ точныхъ указаній со стороны мѣстныхъ уроженцевъ или жителей Вологодской и Ярославской губерніи, съ одной стороны, и въ виду вообще рѣдкости формъ для 1-го л. ед. ч. съ окончаніемъ *мъ*, мы должны признавать ихъ въ великорусскомъ языкѣ формами, встрѣчающимися спорадически и образовавшимися не прямо по аналогіи съ древними *дамъ* или *ѣмъ*, но чрезъ посредство формъ стяженныхъ для 2-го и 3-го л. ед. числа. Да и въ самомъ дѣлѣ, фонетическаго стяженія гласныхъ въ 1-мъ л. ед. числа быть не могло, ему неоткуда было образоваться. Для Ярославской губерніи Тихвинскій еще указываетъ формы отъ гл. вѣдѣти: *не вѣмъ* и *не вѣду*; причемъ первая имѣетъ для 3-го лица *вѣсъ*: „ни *вѣсъ* што“ или „Богъ *вѣстъ*“, а вторая имѣетъ формы для 2-го и 3-го л. ед. ч. *вѣдашъ*, *вѣдатъ*; *не вѣду* встрѣчается только съ отрицаніемъ (ib. 58). Мы понимаемъ образованіе этой формы *вѣду* такъ: она образовалась вм. *вѣдаю* такъ-же, какъ напр., *бѣгу* и *бѣгаю* или *сбѣгу* вм. *сбѣгаю*, *вы́стиру* вм. *вы́стираю*, *сдѣлу* вм. *сдѣлаю* (см. Даль. Ук. Соч. XLVII), причемъ формы *вѣ-*

дашъ, *вѣдатъ* правильно образовались отъ глагола *вѣдаю* вм. *вѣдаешь*, *вѣдаетъ*. Эта же форма *вѣ́ду* для 1-го лица указана и Далемъ для Тверской губерніи (ib. XLVII). Мнѣ кажется, что форма *вѣду* при *вѣдашъ*, *вѣдатъ* служитъ новымъ доказательствомъ рѣдкости и искусственности такихъ формъ, какъ вышеприведенныя *дѣламъ*, *знамъ* и др. для 1-го л. ед. ч., потому что при *вѣдашъ*, *вѣдатъ* легко могло бы образоваться *вѣдамъ* вм. вѣдаю или вѣмъ, однако мы видимъ *вѣ́ду*. Впрочемъ, форму *знамъ* мы должны предполагать уже на основаніи существующихъ донынѣ выраженій: *знамо дѣло* и под. Но, конечно, форма *знамъ* могла употребляться и только какъ форма 1-го л. множ. ч., гдѣ стяженіе понятно.

Отмѣтимъ кстати, что въ Рязанской губерніи вмѣсто „*знамо дѣло*“ говорятъ всегда „*знато дѣло*“ и просто „*знато*“ = „*знамо*“, а „*знатный*“ означаетъ „извѣстный“, напр., „*знатное мѣсто*“. Въ 1-мъ лицѣ ед. ч. обратимъ вниманіе еще на такія формы, какъ *похáживу* вм. похаживаю въ Ржевѣ (Даль. Ук. Соч. XLVIII) подобно вышеприведеннымъ *сдѣ́лу*, *сбѣ́гу* и проч. А въ Архангельской губерніи даже тотъ глаголъ, который во всемъ русскомъ языкѣ сохранилъ архаическое окончаніе для 1-го лица ед. ч., именно, *дамъ*, замѣняется формою *даю*, по указанію Даля, (ib. LII) и вмѣсто *продамъ* — *продаю*. Замѣтимъ, что есть много глаголовъ, которыхъ настоящее время обязано вліянію неопредѣленнаго наклоненія, и вотъ къ такимъ глаголамъ относится только что упомянутое *давать* и *продавать*, отъ котораго въ Архангельской губерніи образуютъ наст. время — продаваю, продаваешь и т. д., даваю, даваешь и т. д. Въ Рязанскомъ нарѣчіи постоянно мы слышимъ: вставаю, вставаешь, вставаетъ; даваетъ, продаваетъ и т. п. Въ пѣсняхъ также: продаваютъ (Рыбн. I, стр. 95), давае — Гильфердингъ 1109. Что касается 3-го лица настоящаго времени, то, какъ извѣстно, праславянскимъ окончаніемъ для 3-го лица было *тъ*, старославянскій языкъ имѣлъ, вѣроятно, и окончаніе *тъ* и *ть* въ діалектахъ, а русскій языкъ въ древности имѣлъ

постоянно *тъ*, причемъ современное русское *тъ*, далеко не повсемѣстное, объясняется отвердѣніемъ конечнаго *т* подобно тому, какъ отвердѣли другіе звуки, и между прочими *м* въ 1-мъ лицѣ ед. числа. Если мы посмотримъ въ памятники др. русскаго языка, то мы замѣтимъ, какъ правило, употребленіе *тъ* въ глаголахъ 3-го лица единственнаго и множественнаго числа. Но уже въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго языка и русской редакціи мы видимъ отпаденіе этого окончанія *тъ*, и это отпаденіе встрѣчалось не только въ 3-мъ лицѣ ед. числа, но и въ 3-мъ множественнаго; это же отпаденіе *тъ* въ 3-мъ лицѣ ед. числа мы видимъ и въ памятникахъ старославянскаго языка. Что же касается современнаго русскаго языка, то можно утверждать, что это отпаденіе *тъ*, по крайней мѣрѣ, въ 3-мъ лицѣ ед. ч. есть явленіе общерусское, и во всякомъ случаѣ такихъ говоровъ, гдѣ это отпаденіе совсѣмъ неизвѣстно, значительно меньше, чѣмъ такихъ, которымъ оно извѣстно, или въ которыхъ мы его находимъ даже заурядным, равно какъ и окончаніе *тъ* является окончаніемъ очень распространеннымъ, хотя и не общимъ, какъ отпаденіе *тъ*. Такъ, въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчіи мы находимъ: въ Новгородской губерніи—онъ возьмé, ходи, люби; бражничае, поѣде и даже во множ. числѣ они ѣздя, любя .. (Даль. Ук. Соч. XLVI); въ Псковской губерніи—онъ поё, боронуе, ходя, сиди́, мѣря, ви́дя, слы́ша (ib. XLVIII—XLIX); въ Архангельской губерніи въ 3 лицѣ множ. числа — они ходя, неся́, говоря́, глядя́, (ib. LII); въ южновеликорусскомъ языкѣ мы видимъ то-же: въ Рязанской, Курской, Воронежской, Тульской, Калужской губерніяхъ мы постоянно слышимъ наряду съ окончаніемъ *тъ* и отпаденіе его преимущественно въ 3-мъ л. ед. числа (Даль. ib. LXIII—LXV). Что касается нарѣчія Рязанской губерніи, извѣстнаго намъ лучше другихъ, то мы имѣемъ намѣреніе изложить особо свои наблюденія надъ нимъ, но о спряженіи глаголовъ въ настоящемъ времени слѣдуетъ и теперь кое-что замѣтить. При своихъ наблюденіяхъ надъ рязанскимъ нарѣчіемъ мы замѣтили, что въ селахъ,

принадлежавшихъ издавна помѣщикамъ, спряженіе глаголовъ въ настоящемъ времени существенно отличается отъ спряженія въ селахъ, не принадлежавшихъ помѣщикамъ, т. е. вольныхъ, хотя бы послѣднія и не были удалены отъ городовъ или отъ боевой, большой дороги, или тракта. Спряженіе барскихъ селъ близко подходитъ къ городскому, общерязанскому типу, т. е. 3-ье лицо ед. числа или множ. числа имѣетъ окончаніе *тъ* всегда, и никогда не встрѣчается *ть*, кромѣ слова *бу́дя = будетъ*. О вольныхъ же селахъ можно сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: спряженіе настоящаго времени здѣсь зависитъ отъ двухъ причинъ—ударенія и тематическаго конечнаго гласнаго.

Глаголы такъ называемаго 2-го спряженія, т. е. съ тематическимъ конечнымъ *и* въ настоящемъ времени обыкновенно сохраняютъ въ 3-емъ лицѣ единственнаго числа окончаніе *ть*, но при отпаденіи этого окончанія *ть* глаголъ переходитъ въ 1-ое спряженіе, т. е. въ спряженіе съ тематическимъ *е*, и переноситъ непремѣнно удареніе на корень, если раньше оно стояло на тематическомъ гласномъ; если же оно и раньше было на коренномъ гласномъ, то въ такомъ случаѣ спряженіе переходитъ въ 1-ое, съ тематическимъ *е*, а удареніе остается на прежнемъ гласномъ. Такъ, напр., отъ глагола *ходи́ть* 3-е лицо ед. числа будетъ *онъ хо́дитъ* въ городахъ и барскихъ селахъ, и *онъ хо́дя* въ вольныхъ селахъ; здѣсь конечное *я* есть то-же *е*, расширившееся въ силу рязанскаго аканья; *онъ но́ситъ* и *онъ но́ся*, *во́дитъ* и *во́дя*, *во́зитъ* и *возя*, *ру́битъ* и *ру́бя*. Случаи перенесенія ударенія съ тематическаго гласнаго на коренной гласный вообще рѣдки при переходѣ 2-го спряженія въ 1-ое и, кажется, обязаны своимъ происхожденіемъ вліянію формъ такихъ, какъ приведены выше; мы встрѣчаемъ, напр., *наварѝть* и *наво́ря*, *кути́ть* и *ку́тя*. Глаголы съ тематическимъ *е* почти всегда отбрасываютъ личное окончаніе *ть* въ 3-мъ лицѣ ед. числа въ вольныхъ селахъ и деревняхъ, но если удареніе стоитъ на тематическомъ гласномъ, то послѣдній произносится, какъ *е*, и никогда какъ ё, что объясняется

вліяніемъ конечнаго мягкаго согласнаго *ть*, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ отпаденіе *ть* бываетъ довольно рѣдко, причемъ при отпаденіи тематическое *е*, конечно, произносится, какъ ё, а не какъ *е*. Такъ, напр., мы встрѣчаемъ: *ѣдя, вы́дя, при́дя, вы́вязя, вы́ядя, вы́растя, выраста́я, ду́мая*ᵉ (я—е неясно), *быва́я, хвата́я, зна́я, лѣзя, куса́я, задъви́ня, вскоч́я, слѣдуя, мо́жа* и т. п. Но: привязе́ть, жыве́ть, тьвятѣ́ть (=цвѣтётъ), бяре́ть, hудѣ́ть (=гудётъ), плятѣ́ть, палзе́ть (=ползётъ), бье́ть, тяче́ть, жре́ть (жрётъ) и проч. Здѣсь *е*, такъ сказать, органическое, напоминающее собой сѣдую старину-старославянскій и др. русскій языкъ; и вообще нужно замѣтить, что коренной законъ великорусскаго языка объ измѣненіи *е* въ *ё*, т. е. о расширеніи этого *е* подъ вліяніемъ ударенія и слѣдующаго твердаго слога, какъ кажется, не долженъ быть особенно древнимъ, по крайней мѣрѣ, мы не можемъ прослѣдить его начало по памятникамъ уже по одному тому, что особаго знака для *ё* нѣтъ и не было въ письменности, да притомъ письменность пользовалась въ большинствѣ случаевъ оффиціальнымъ правописаніемъ, но можно навѣрное сказать, что *е* не переходило въ *ё* въ закрытомъ конечномъ слогѣ съ мягкой согласной на концѣ, какъ это можно видѣть при сравненіи сѣверно-русскихъ памятниковъ съ галицко-волынскими, гдѣ въ названныхъ случаяхъ появлялось такъ называемое „новое ѣ“, равное позднѣйшему *і*. Въ этомъ отношеніи рязанское нарѣчіе очень архаично: описанное положеніе звука *е* предохраняетъ его отъ расширенія *е* въ *я*, которое ожидалось бы въ силу строжайше выдержаннаго рязанскаго аканья въ случаяхъ непосредственнаго положенія звука *е* передъ ударяемымъ или послѣ ударяемаго слога. По этой причинѣ остается *ка́мень*, а не *ка́мянь* и съ удареніемъ *тяче́ть*, а не *тячётъ*, какъ уже говорятъ въ барскихъ селахъ и городахъ Рязанской губерніи, гдѣ эти формы должны признаваться не исконными русскими или рязанскими, а уже аналогичными съ другими и, главнымъ образомъ, съ литературными. Произношеніе *жыгвё* или *жыгве́*, образовавшееся изъ *жыве́ть*,

атдаё или *атдае́* встрѣчается сравнительно рѣдко. Отвердѣніе *ть* въ *ть* встрѣчается, какъ правило, только передъ мѣстоименіемъ *ся* или чаще по-рязански *си:* лажы́тца и проч. Быть можетъ, глаголы такого типа повліяли на формы типа *жывё* при *жывётца*, гдѣ *ё* вполнѣ умѣстно, находясь передъ твердымъ слогомъ, равно и формы въ родѣ *жывётъ*, вѣроятно, обязаны своимъ появленіемъ подобнымъ-же формамъ съ *ся*. Звукъ *є*, стоящій передъ *ть*, занесенъ и въ прочія лица: такъ, мы слышимъ въ тѣхъ же селахъ Рязанской губерніи слѣдующія формы: 2 лицо *приде́шъ возьме́шъ, бяре́шъ, напряде́шъ* и по правилу — *ашыбе́сьси* (= ошибёшься), но сверхъ ожиданія — *загне́тьца*, гдѣ *ть* сохранилось передъ *ся*. Далѣе, въ 1-мъ лицѣ множ. числа: *привязе́мъ, жыве́мъ, бье́мса, бяре́мъ, и́демъ, на́йдемъ* съ переносомъ ударенія, кромѣ того. Во 2-мъ лицѣ множ. числа по правилу: *дажде́тся* (=дождётся) и друг. Отпаденіе *ть* во множ. числѣ въ 3-мъ л. въ рязанскомъ говорѣ рѣдко встрѣчается. Ближе всего къ этому говору стоитъ въ разсматриваемомъ отношеніи говоръ южной части Курской и сѣверной части Харьковской губерніи, какъ видно изъ собранія пѣсенъ, изданныхъ Халанскимъ въ Р. Ф. В. за 1882 годъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ и отпаденіе *ть* и формы на *ть* въ 3-мъ л. единственнаго числа.

Только не видать по изданнымъ пѣснямъ, остается-ли *ё* передъ *ть*, или обращается въ *є*, но зато мы видимъ здѣсь отпаденіе *ть* въ 3-мъ лицѣ множ. числа, какъ показываетъ слѣдующая пѣсня:

На даре́вьяхъ ли́стики *шумя́;*
Лавро́ваи ли́стики
Призаблёкнувшы *вися́*
На ме́лкихъ, на ку́стикахъ,
Дро́бны ита́шички *сидя́*,
У слу́хъ ре́чи *гаваря́*.

(Отд. оттискъ изъ Р. Ф. В. N 17).

По свидѣтельству Карпинскаго, въ говорѣ пинчуковъ, т. е. въ Минской губерніи Пинскаго уѣзда, „формы 3-го

лица ед. числа всегда безъ *тъ*, если послѣднему предшествуетъ *е: жалѣе, запродае, плаче, встае* и т. д.“ (Карпинскій. Говоръ Пинчуковъ. Отд. оттискъ изъ Р. Ф. В. стр. 8 — 9). Относительно бѣлорусскаго языка Недешевъ въ своемъ „Обзорѣ“, на который мы уже ссылались выше (В. 1884 г.), говоритъ: „третье лицо наст. времени ед. ч. и множ. оканчивается въ бѣлорусскомъ на *тъ* (ць)“, но въ скобкахъ прибавляетъ: „и въ южно-великорусскомъ, за исключеніемъ московскаго“. (стр. 50). Если подъ московскимъ нарѣчіемъ разумѣть только нарѣчіе города Москвы, то это справедливо, но если подъ этимъ нарѣчіемъ понимать нарѣчіе Московской губерніи, то это несправедливо, т. к. уже въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Московской губерніи, напр., въ Коломенскомъ, Богородскомъ говорятъ на *тъ*. Далѣе, бѣлорусскому языку извѣстно и опущеніе *тъ* въ глаголахъ 1-го спряженія, особенно распространенное въ Минской, Витебской и Могилевской губерніяхъ, хотя извѣстно оно и въ другихъ губерніяхъ. (ib. стр. 50 — 51). Въ малорусскомъ языкѣ для глаголовъ 1-го спряженія опущеніе *тъ* обязательно, и такимъ образомъ это опущеніе приходится признать явленіемъ общерусскимъ, а справки со старославянскимъ языкомъ (напр., съ Супр. рукописью и др.) и другими слав. языками заставляютъ признать эти формы безъ личнаго окончанія, это явленіе опущенія *тъ* чуть ли не праславянскимъ, какъ это высказалъ Соболевскій. (Изслѣд. въ обл. р. грам. В. 1881, стр. 83). Въ числѣ областныхъ формъ для 3-го лица единств. числа слѣдуетъ указать на формы восточнаго нарѣчія русскаго языка, отличительнымъ признакомъ котораго служитъ то, что въ этомъ нарѣчіи вообще не отбрасывается личное окончаніе 3-го лица *тъ*. Къ этому нарѣчію принадлежатъ губерніи: Владимирская, часть Московской, Ярославская, Костромская, Нижегородская, Казанская, Симбирская, Оренбургская. (Даль. О нарѣчіяхъ. LIV). Въ Новгородской губерніи, въ Бронницахъ Даль слышалъ слѣдующія формы для 3-го лица ед. числа: *идета, сидита, смотрита* вм. *идетъ, сидитъ, смотритъ*. (Даль. Ук. соч. XLVI). Даль

не ставитъ, къ сожалѣнію, противъ обыкновенія на этихъ словахъ ударенія, которое въ особенности было бы желательно на послѣднемъ словѣ; онъ не говоритъ также ничего о томъ, какъ произносится конечное *а* въ этихъ словахъ, ясно-ли, или неопредѣленно, въ родѣ глухого какого-нибудь звука; далѣе остается неизвѣстнымъ, имѣютъ-ли указанныя формы какое-нибудь отношеніе къ роду, или употребляются безразлично при лицахъ и предметахъ всѣхъ родовъ; напр., можно-ли сказать „онъ идета“, или только „она идета“ и т. п. Быть можетъ, въ данномъ нарѣчіи окончанія *тъ*, *та* явились указателями рода мужескаго и женскаго. Впрочемъ, кажется, можно надѣяться, что Даль не позабылъ-бы указать на это, еслибы это было такъ. Въ Кинешмѣ Костромской губерніи извѣстны формы *кусáётъ*, *грянётъ*, *мякнётъ*, которыя представляютъ ту особенность, что звукъ *ё* противъ извѣстнаго закона великорус. языка стоитъ не подъ удареніемъ, а послѣ ударенія. Обыкновенно, если основный звукъ *е* въ глаголахъ переходитъ въ *ё*, то принимаетъ на себя и удареніе; такъ, извѣстны формы въ Костромской же губерніи для 2-го лица множ. числа: *хотитё*, *глядитё*, (Даль. ib. LVI) или во Владимирской — *возьмитё*, *говоритё* (ib. LIV); такимъ образомъ, вышеназванныя формы, какъ *мякнётъ* и проч. должны признаваться, какъ формы, на образованіе которыхъ повліяли, съ одной стороны, формы типа *кусáетъ*, *мякнетъ*, съ другой — типа *хотитё*, *глядитё*: къ первымъ примкнули онѣ по ударенію, ко вторымъ — по произношенію звука *е*.

Говоря о 3-емъ лицѣ ед. числа, скажемъ заразъ и о 3-мъ лицѣ множ. числа, личныя окончанія котораго одинаковы въ живомъ русскомъ языкѣ съ 3-ми лицами ед. ч. Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе прежде всего тотъ фактъ, что живой языкъ почти не знаетъ 2-го спряженія, если только удареніе не стоитъ на основномъ гласномъ *и*, напр., говорúшь, говорúтъ, говорятъ или творúшь, творúтъ, творятъ. Мы одинаково произносимъ и 3-е лицо *плáчутъ*, *скáчутъ*, и 3-е лицо *тáщютъ*, *вóзютъ*, *нóсютъ* и проч.

Такимъ образомъ, живой языкъ переноситъ почти всѣ глаголы 2-го спряженія въ 1-ое, т. е. 1-ое спряженіе, очевидно, оказало такое сильное вліяніе своими формами на 2-ое спряженіе, что уступило только силѣ ударенія. Наоборотъ, единственное число, кажется, само подпало вліянію 2-го спряженія, и произошли формы: *плáчишь*, *скáчишь*, *пúшышь*, *бóришься*, *знáишь* и проч. То-же и въ 3-мъ лицѣ ед. числа, гдѣ мы не отличаемъ при живомъ употребленіи 1-го спряженія отъ 2-го. Это же явленіе наблюдается и въ 1-мъ и 2-мъ лицахъ множ. числа, между тѣмъ какъ 3-ье лицо множ. числа берется изъ 1-го спряженія, хотя бы всѣ лица остальныя звучали съ окончаніями 2-го спряженія. Это явленіе также общерусское: его мы замѣчаемъ и въ Тверской губерніи: возютъ, рубютъ, водютъ; родзютъ, ходзютъ (Даль. Ук. Соч. XLVII); и во Владимирской — любютъ, гонютъ (Даль. ib. LV), и въ Рязанской, и въ Московской и др., и даже языкъ образованнаго класса въ этомъ отношеніи нисколько не отличается отъ народнаго. Это тяготѣніе къ 1-му спряженію въ 3-мъ лицѣ множ. числа обнаружилось даже въ томъ, что иногда слышатся формы 3-го лица множ. числа отъ глаголовъ съ удареніемъ на окончаніи *ятъ*, какъ-будто эти глаголы не имѣли бы ударенія на основномъ звукѣ, т. е. мы слышимъ, напр., *говóрюцъ* вм. *говорáтъ* въ Тверской губерніи Ржевскаго уѣзда (Даль. ib. XLVIII). Такія же формы извѣстны и въ южно-русскомъ современномъ языкѣ. Здѣсь мы видимъ переносъ формы изъ одного спряженія въ другое и вмѣстѣ съ тѣмъ — переходъ ударенія съ окончанія на корень.

По разнымъ поводамъ мы уже касались выше формъ 1-го и 2-го лица множ. числа; намъ извѣстны изъ памятниковъ др. русскаго языка такія разнообразныя окончанія для 1-го лица множ. числа, которыхъ мы теперь уже не встрѣчаемъ на всемъ пространствѣ русской рѣчи. Такъ, въ древности были извѣстны формы на *мъ*, *мы*, *ме* и *мо* и, кромѣ того, довольно рѣдкая форма на *мя* въ формѣ *есмя*. Изъ этихъ окончаній теперь въ великор. языкѣ вы-

тѣснены всѣ окончанія окончаніемъ *мъ* и еще окончаніемъ *мы*, которое мы встрѣчаемъ въ книжномъ и неупотребительномъ словѣ *есмы*. Но малорусскому языку извѣстно и окончаніе *мо*, напр., *мы їмо́* = мы ѣдимъ и проч. Прочія славянскія нарѣчія знаютъ и окончаніе *ме*, напр., новоболгарскій языкъ и чешскій, но русскому оно теперь неизвѣстно. Зато окончанія, употребительныя русскимъ языкомъ, слѣдуетъ дополнить еще однимъ, именно, *ма*, на которое указалъ Даль въ своей статьѣ „О нарѣчіяхъ русскаго языка“. Здѣсь (стр. XLVII) мы находимъ формы: *мы знаема*, *мы дѣлаема*, которыя употребительны въ Волочкѣ Тверской губерніи.

Наконецъ мы не указали еще на новообразованныя формы наст. времени въ русскомъ языкѣ, явившіяся подъ вліяніемъ другихъ формъ; напр., формы *пекёшь*, *пекётъ*, *мо́жутъ*. На эти формы обратилъ вниманіе проф. Соболевскій въ своихъ лекціяхъ по исторіи р. языка. (К. 1888. Стр. 174). Мы можемъ только кое-что дополнить изъ собственныхъ наблюденій надъ рязанскимъ говоромъ; глаголы *печь* и *течь* имѣютъ во всѣхъ лицахъ и числахъ наст-времени звукъ *к*, заимствованный изъ формъ *пеку*, *пекутъ*, *теку*, *текутъ;* глаголъ *хотѣть* имѣетъ во всѣхъ лицахъ звукъ *ч*, заимствованный изъ формъ единственнаго числа: *хочу*, *хочешь хочетъ*. Но извѣстно и обратное вліяніе: глаголъ *мочь* спрягается такъ: мо́жу, мо́жешь, мо́жеть; мо́жемъ, мо́жете, мо́жуть. Очевидно, что здѣсь вліяніе оказано не формами *могу́* и *мо́гутъ*, какъ мы видѣли въ формахъ *пеку* и *пекутъ*, а, именно, на 1-ое лицо единств. числа и 3-ье множ. числа оказали вліяніе формы прочихъ лицъ, и образовалась новая форма *я мо́жу*, въ которой даже удареніе заимствовано изъ прочихъ лицъ.

Такое же новообразованіе представляетъ форма *ку́плится* вм. *купается*, которую мы находимъ въ пѣсенномъ языкѣ, въ былинѣ Петрозаводскаго уѣзда. (Рыбниковъ. I. Стр. 121). Въ былинѣ про Добрыню Никитича, какъ онъ купается и бьется со змѣемъ, читаемъ: „И *ку-*

плúтся во Пучай рѣки нагимъ тѣлóмъ". Очевидно, что эта и подобныя формы обязаны своимъ появленіемъ вліянію другихъ глаголовъ, въ которыхъ издавна было другое образованіе со смягчаемой губной согласной. Въ данномъ случаѣ этотъ глаголъ перемѣшался съ глаголомъ *купúть — куплю* при посредствѣ, быть можетъ, такихъ словъ, какъ *купель* и проч.

Наконецъ, упомянемъ еще о двухъ формахъ, которыя проф. Соболевскимъ помѣщены въ числѣ остатковъ аориста; это, именно, пѣсенныя формы „*знай*" и „*заржай*" (Соболевскій. Лекціи. К. 1888. Стр. 164). Проф. Соболевскій не указалъ на былины, въ которыхъ встрѣтились ему эти формы, и потому мы должны были долго искать ихъ. Здѣсь мы выписываемъ эти мѣста изъ былинъ, гдѣ находятся эти формы, т. к. мы не считаемъ этихъ формъ за аористы. Здѣсь читаемъ:

Говорилъ ему король таковы слова:
—Глупый Владимиръ стольно-кіевскій.
Онъ *не знай*, кого послать ко мнѣ посвататься,
Изъ крестьянъ ко мнѣ крестьянина богатаго,
Изъ бояръ мнѣ-ка боярина хорошаго,
Изъ богатырей богатыря могучаго;
Онъ послалъ ко мнѣ холопину дворянскую!
(Рыбниковъ. I. Стр. 190. Дунай).

Мы принимаемъ эту форму *знай* за настоящее время 3-яго лица единств. числа. И вотъ почему: во-первыхъ, изъ контекста не видно, чтобы здѣсь смыслъ требовалъ прошедшаго времени, а не настоящаго, т. к. здѣсь одинаково удобно поставить и настоящее время: „Глупый Владимиръ, онъ не знаетъ, кого послать ко мнѣ посвататься! Онъ послалъ ко мнѣ холопину дворянскую"! Во-вторыхъ, въ томъ парѣчіи, гдѣ употребительны формы 3-го лица ед. числа безъ личнаго окончанія *ть* или *тъ*, тамъ изъ формы *знае* очень легко ожидать сокращенную *знай* не только въ пѣсенномъ языкѣ, но и въ говорѣ, какъ это мы въ скороговоркѣ встрѣчаемъ и у крестьянъ рязанской губерніи. А что былина эта изъ той мѣстности, гдѣ въ

3-емъ лицѣ ед. числа извѣстны формы безъ личнаго окончанія, это видно изъ всего сборника Рыбникова и Гильфердинга, гдѣ постоянно мы встрѣчаемъ формы: *хоче* (Рыбн. I. 145), *сѣдлае, одѣвае, топае, встае, выѣзжае, слѣзае, вынимае, встрѣчае, размахивае, тече, дѣлае, сохраняе* (Рыбн. I. 313—315). *Може, пріѣде* (Гильфердингъ. Онежск. былины. Столб. 376). „Не честь *е* вамъ“ ib. столб. 658, *посылае*—ib. столб. 705, *сѣдлае, уздае*—707, 708 *поскакивае*—710 и мн. др. Наконецъ, въ третьихъ, самъ собиратель Рыбниковъ, которому олонецкое нарѣчіе, должно быть, было извѣстно очень хорошо, къ этому слову *знай* сдѣлалъ слѣдующее примѣчаніе: „*сокращеніе изъ знае - знаетъ*“. (Рыбн. I, стр. 190). Въ виду этого всего, а также и того обстоятельства, что остатковъ аориста вообще въ русскомъ языкѣ на-лицо нѣтъ, кромѣ, развѣ, какого-нибудь „*чу*“, происхожденіе котораго также сомнительно—не есть ли оно повелительное наклоненіе,—кажется, мы имѣемъ право сомнѣваться въ томъ, что пѣсенная форма *знай* есть остатокъ древняго аориста. Что эта форма есть во всякомъ случаѣ не аористъ, а настоящее время, видно еще изъ слѣдующаго мѣста другой былины, именно, о Дюкѣ. Здѣсь читаемъ:

„Говорила Добрынѣ мати таково слово:
Скажи, ты, удалый дородній добрый молодецъ,
Я *не знай* тебѣ ни имени, ни вотчины,
А изученье вижу твое полное“.
(Гильфердингъ. Столб. 1078).

Впрочемъ, во 2-мъ изданіи своихъ „Лекцій“ самъ проф. Соболевскій уже отказался отъ этой формы и очевидно пересталъ считать ее остаткомъ аориста, не помѣстивъ ея въ своемъ трудѣ.

Что касается другой формы, приводимой проф. Соболевскимъ, именно, *заржай*, то хотя она и не представляетъ собой настоящаго времени изъявительнаго наклоненія, но должна быть упомянута, т. к. считается проф. Соболевскимъ тоже за остатокъ аориста. Эта форма *заржай* есть повелительное наклоненіе 2-го лица ед. числа

отъ глагола *заржать*, и вотъ тому доказательства: 1) эта самая форма употребляется въ другихъ былинахъ, какъ повелительное наклоненіе 2-го лица ед. числа. Напр., въ былинѣ о Дюкѣ читаемъ: „Самъ онъ говоритъ таково слово:

—Ай, ты, бурдушко-ковурушко!
Когда прискачешь во Индѣю во богатую
Къ моей-то государыни родной матушкѣ,
Ты заржай-ко голосомъ лошадинымъ“!
(Гильферд. Столб. 822).

Нѣсколько ниже опять читаемъ въ этой же былинѣ;

„Сама говоритъ да таково слово: (мать Дюка)
—Какъ прискачешь ты во Кіевъ градъ,
Во Кіевъ градъ на княженецкій дворъ,
Ты заржай-ко лошадинымъ голосомъ!“
(Гильферд. ibidem).

Такимъ образомъ, сомнѣнія быть не можетъ, что форма *заржай* есть 2-ое лицо ед. числа повелит. наклоненія. А вотъ то мѣсто, на которое ссылается проф. Соболевскій:

„Какъ будетъ во Индіи во богатыя,
У него государыни родной матушки
На широкомъ дворѣ,
Заржай голосомъ лошадинымъ;
Тутъ услыхала государыни родна матушка“.
Рыбниковъ. I, стр. 302.

Въ примѣчаніи къ этому мѣсту, сдѣланномъ издателемъ Сборника, а не собирателемъ, читаемъ: „Заржалъ: *заржи*—въ употребленіи прошедшаго времени“. (ib. стр. 302). Стало быть, во-вторыхъ, издатель также понялъ эту форму, какъ повелительное наклоненіе, употребленное въ смыслѣ прошедшаго времени изъявительнаго наклоненія: ему, конечно, извѣстенъ такой оборотъ рѣчи, употребляемый и теперь очень часто. Замѣтимъ, что эта былина перепечатана въ Сборникѣ изъ Олонецкихъ губ. вѣдомостей за 1859-й годъ, куда она доставлена собирателемъ. Эту же былину слышалъ Гильфердингъ въ Кижахъ отъ сказителя Чукова, который пѣлъ въ данномъ мѣстѣ не *зар-*

жай, а *заржалъ* (Гильфердингъ. Столб. 779 и 780). Не могло, конечно, быть, чтобы форма аориста сохранилась въ одномъ уѣздѣ одной и той-же губерніи, а въ другомъ исчезла. 3) Такія формы повелительнаго наклоненія, какъ *заржай* вм. *заржи* извѣстны и теперь въ великор. языкѣ. Такъ, Даль (О нарѣчіяхъ, стр. XLVII) слышалъ въ Волочкѣ Тверской губерніи формы *принесай*, *унесай* вм. *принеси*, *унеси*. Онѣ, очевидно, образованы по аналогіи съ формами *давай*, *гуляй* и проч., что̀ тѣмъ болѣе возможно отъ глагола *заржать*, т. к. въ немъ есть и примѣта *а* въ неопр. наклоненіи, какъ въ глаголахъ *давать*, *играть*, *гулять* и проч. Наконецъ, остается сказать объ употребленіи повелительнаго наклоненія въ смыслѣ прошедшаго времени изъяв. наклоненія. Всѣ мы знаемъ такіе обороты, какъ „онъ возьми да и пойди“ вмѣсто „онъ взялъ и пошелъ“; такъ и здѣсь: „онъ заржай, онъ заржи“ (см. примѣчаніе издателя) вмѣсто „онъ заржалъ“. Стало быть, нужно сказать, что аористовъ или ихъ остатковъ мы въ живомъ языкѣ не имѣемъ, если не считать ставшее междометіемъ „*чу*“. Аористы вымерли въ XIV столѣтіи.

Евгеній Будде.

1891 года.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛІОТЕКА
Общественныхъ Наукъ
Академіи Наукъ СССР

Дозволено [illegible], 3 февраля 1891 г.
Въ Типографіи М. [illegible]бичъ, Крак.-Предм. N 17.